

ЭДУАРД АНАШКИН

ГОЛОС РАВНИНЫ ПРОДРОГШЕЙ

Авторская биография поэта Николая Ивановича Коновского известна куда как меньше, чем его стихи. Можно даже сказать, что личность этого поэта не просто в тени его творчества, но как бы растворена в нём. В наше время, когда мало-мальски попадающий в рифму автор начинает направо и налево давать интервью и всюду говорить о себе, такое явление, когда поэт ушёл в тень своих стихов – редкость. Известно о Коновском, как об авторе, вовсе немного.

Родился в 50-х годах на Белгородчине. Выпускник Московского литературного института им. А.М.Горького. Автор книг «Равнина», «Твердь», «Зрак», «Врата вечности». С юности живёт в Москве. В литературу вошёл в конце 80-х, первая книга вышла в самом начале лихих девяностых годов. Следующая книга была издана только в 2004 году, спустя почти полтора десятилетия. Неудивительно, что в эпоху, когда русская литература стала не просто не нужна, но и опасна властному режиму, поэт жил без возможности издать книгу. По сути, целое поколение поэтов по причине литературного безвременья выпало из внимания общественности... Впрочем, легко говорить и мыслить поколениями и эпохами. А как приглядишься к судьбе конкретного человека, так и понимаешь, что обобщение порой хромает, как и сравнение.

Николай Коновской даже без регулярного книгоиздания всё-таки не стал заложником безвременья. Он не просто выжил и духовно лично стоял. Он остался поэтом. Иногда такие вынужденные, как их называют специалисты, «вымолчки» поэтам посылает Бог. Чтобы талант безо всякой суеты вызрел, как дорогое вино, которое при суетной шумихе частенько перекипает в уксус. Суета повседневности нередко лишает нас возможности прозреть отсвет вечности, делающий стихи – поэзией:

*Спустилась ночь, утихли сердца битвы,
В один конец уже в руках билет.
Но полоснул опасный, словно бритва,
И ослепил – любви забытой свет!
И захлебнулись ливнем водостоки,
Затрепетал сожжённый зноем сад!..
О, свет звезды, печальный и жестокий,
Сгоревшей миллионы лет назад!*

Не так ли поэты, которых, как никого другого, можно сравнить со звёздами, питают нас светом своего творчества, сами при этом оставаясь незримыми для материального зрения. Но есть зрение духовное, данное нам космосом, Богом. Оно и питает наши души светом поэзии Пушкина,

Лермонтова, Есенина, других поэтов-классиков. И этот свет неподвластной времени поэзии тем ярче, чем дальше от «источника излучения». Поэтическому почерку Николая Коновского присуща та молитвенная несуетность, которая резко выделяет его из массива современной «актуальной» и «злободневной» поэзии. Взгляд поэта Коновского, даже упавая на современность, видит то, что обычный человек увидеть часто не может в силу «замыленности» взгляда агрессивной сиюминутностью:

*Туманится, слезится взор:
В распахнутости безначальной –
Какое небо и простор, ?
Сияющий простор пасхальный!
И на ладони – вся Москва
В наитье голосов былинных!..
Что там за дивные слова
Таятся в медных исполинах!..
Пусть крестный жертвенной Руси,
Ход крестный в шествии безмолвном.
Восстань, звонарь, и огласи
Отчизну радостным трезвоном!
<...>*

Это стихотворение не просто о пасхальном звоне и звонаре. Это стихотворение о поэте и о нездешнем крылатом «звоне», что вызрел в молитвенном великопостном смирении, чтобы огласить радостью окрестность. Чтобы ради небесного простора дать себе шанс оторваться от земной тверди. Поэтический мир Николая Коновского не назовешь перенаселенным. Это мир человека, сознающего свою изначальную одинокость, но при этом ощущающего родство со всем миром. Мир русского поэта! Душа автора способна вместить столько смыслового простора, что надобность во внешних деталях материального мира словно бы отпадает сама собой... Только простор. Только тишина. Только Россия!

Для меня, как для читателя, удивительно, что автор этих строк, живущий в столичном московском мегаполисе, более похожем на муравейник, сумел сохранить своё поэтическое пространство чистым от суеты и «движухи». Читаешь его стихи, и поневоле закрадывается чувство, что такие несуетные пространственные строки могли быть написаны только вдали от городской толчеи. Где-нибудь на сибирских необъятных раздольях, где встретить человека – целое событие. Отраднo, когда такие встречи случаются и становятся знаковыми вехами для поэта. И как следствие – для читателя.

*Третьи сутки – лишь холод и снег,
Свищет ветер, надрываясь и плача...
Что за мир, что за люд, что за век,
Что за лютая стужа собачья!
Выдувая из дома тепло,
Кружит вьюга в медлительном танце.
Замело тебя, Русь, замело –
Как в известном поётся романсе.
<...>
Я лишь в снах твоих – чаемый гость,
А на большее – и не дерзаю.
Дай мне руку! – за тысячу вёрст
Как я страстно тебя осязаю!
Ах, родная, в такой снеговой –
На крылечко, да в легоньком платье!..
Над душой, над судьбою твоей
Я навеки смыкаю объятия!*

Это стихотворение на равных можно причислить к жанру любовной, но и патриотической лирики. Несмотря на личные моменты, в образе лирической

героини, к которой обращается автор, так или иначе проступают черты России. Думается, что для всякого настоящего русского поэта главной лирической героиней всегда была и остаётся – Россия. Именно к ней обращены самые пламенные строки русских поэтов. Впрочем, что удивительного? Родина, Россия – женского рода! Выбегающая навстречу поэту во время вьюги на крылечко, да в легоньком платьице женщина – чем не Россия, которая никогда не умела себя беречь и всегда спешила навстречу тому, кому поверила?..

Когда я стал читать книгу «Лирика» Николая Коновского, подаренную мне московской детской писательницей Светланой Вьюгиной, я долгое время находился под впечатлением этого моего небольшого открытия! Хотя, думается, такое же открытие сделали отдельно от меня все читатели книги. Книга предстала как объяснение в любви России, как желание предостеречь и оберечь её в нашу жестокую эпоху. Вот и в чертах девы-весны из другого стихотворения Николая Коновского также проступают черты России, с которой можно расстаться, но которую невозможно разлюбить. Ведь одно только воспоминание о ней дает силы жить, надеяться, верить и восхищаться миром.

*Сначала усладой забытых усад
Был тихий, как снящийся сон, листопад.
Срывались с деревьев, ложились листья
На землю, на давние чьи-то следы.
Затем, заматая дворы и дома,
Дохнула холодным дыханьем зима.
И призраком диким – до неба возрос
В пространстве мятущемся – снежный хаос.
А после морозов, ясна и красна,
Явилась завидная дева-весна:
Вода забурилась, запахла синель,
И мир огласила полночная трель
Певца, что умрёт от восторга вот-вот...
Потом долгожданное лето придёт,
Как счастье – от горя, как солнце – из тьмы.
...А после с тобою расстанемся мы.*

Дева-весна, побеждающая хаос и превращающая его в космос поэзии, космос созидания и весеннего возобновления жизни. Прекрасный поэтический образ! Николай Коновской не из тех авторов, которые много и часто поминают Господа в своих стихах. Вроде бы и не так много в творчестве Николая Ивановича стихотворений-обращений к Богу, к Небу. Но всё его творчество, стоит с ним соприкоснуться, пожить хотя бы несколько дней в мире поэзии, созданном Коновским, предстаёт именно молитвенным, несуетным. Мир, пронизанный осознанием изначальной трагичности. И в то же время наполненный надеждой и верой в то, что всё, что случается с человеком, происходит не зря и не случайно. Поэтический мир, созданный поэтом Коновским, далёк от роптания, обличения, но пронизан богатырским смирением, с каким, вероятно, шли в бой, будучи уверены в победе света над тьмой, наши русские богатыри. Шли на «голос равнины продрогшей», как на голос любимой женщины, зовущей на помощь.